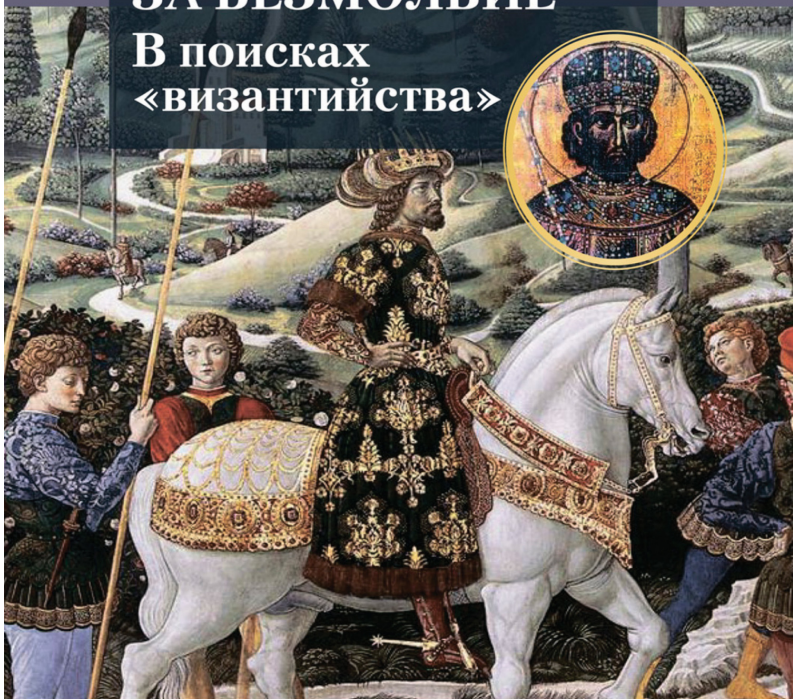

Д. Б. Тараторин

БИТВА ЗА БЕЗМОЛВИЕ

В поисках «византийства»

DirectMEDIA

Дмитрий Борисович Тараторин

Битва за безмолвие. В поисках «византийства»

текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67711275

Битва за безмолвие. В поисках «византийства»: Директмедиа; М; 2020

ISBN 978-5-4499-1262-6

Аннотация

«Византийство» стало для многих синонимом изощренного коварства и интриганства. Но, каков подлинный лик исчезнувшей империи? В книге, которую вы держите в руках, впервые история этой державы рассматривается не просто как череда сменяющих друг друга династий, переворотов, заговоров и войн, но как тысячелетняя духовно-политическая борьба. В ее основе часто лежали отнюдь не только стремление к власти и доминированию, но альтернативные богословско-идеологические концепции.

Заметное место в исследовании занимает осмысление крестовых походов, в контексте византийской истории. В частности, дается подробный «нестандартный» анализ событий, предшествовавших взятию «латинянами» Константинополя.

Новаторски рассмотрены гражданские войны середины XIV века. Традиционно они представляются, как знак заката и распада Византийской цивилизации. Между тем, исход этой

«богословской» войны предопределил дальнейшее развитие всего православного мира, в том числе и России.

Взаимосвязям, сходству и различиям Второго и Третьего Рима в исследовании также уделяется пристальное внимание. Что позволяет выявить, как моменты преемственности, так и глубокого несходства двух великих империй.

Отдельно рассмотрен, слабо освещенный в исторической литературе вопрос, связанный с истоками Руси, – становление и гибель готской «империи» Эрманариха. Роль готов в падении Западной Римской империи и формировании основ европейской цивилизации, их взаимодействие и противостояние с Византией.

В формате PDF A4 сохранён издательский дизайн.

Содержание

Константа империи	6
Кровь и капуста	9
Мост в вечность	15
Темные Ангелы	23
Кто Богу мил?	29
Битва обреченных	35
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Дмитрий Тараторин

Битва за безмолвие. В

поисках «византийства»

© Тараторин Д. Б., текст, 2020

© Издательство «Директмедиа Паблишинг», оформление, 2020

* * *

Константа империи

Нет, наверное, другого столь же мифологизированного государства, нежели Империя ромеев. Причем, практически одинаково лживы и «черный» миф о ней и «белый». Но при этом, в каждом из них есть немалая доля правды... Как такое возможно? Именно об этом книга.

Изначально именуя империю Византией, западные историки сознательно идут на подлог, они тем самым реквизируют римское наследство. Точно так же, как это сделали крестоносцы, взявшие и разграбившие Константинополь в 1204 году.

А между тем государство, столицей которого был этот город, и являлось собственно Римской империей, сохраняя преемственность власти, принципов, культуры. Но это была православная империя, и это оказалось в её судьбе главным. Это был её смысл, и это объясняет её немыслимость. Ведь в таких геополитических условиях, при такой внутренней нестабильности, казалось бы, и сотню лет протянуть нельзя, не то что больше тысячи.

Подсчитано, что из множества государей, занимавших престол Империи ромеев (римлян), только около трети умерли своей смертью, сохранив свой титул. Прочие в большинстве своём стали жертвами переворотов, которые случались там с беспрецедентной частотой.

Теодор Моммзен, нобелевский лауреат, создатель фундаментальной «Римской истории» говорил, что в империи был «абсолютизм, умеряемый переворотом или убийством». Но это, несмотря на авторитетность автора, поверхностное суждение.

Дело в том, что ромеи поклонялись и повиновались императору не как личности, представляющей некий род (там вообще только на самом последнем этапе складывается более или менее устойчивая династия), но в его лице иконе Пантократора (Вседержителя). И именно поэтому царя изображали с нимбом. То есть тем самым подчёркивался божественный источник власти. Но если конкретный василевс явно переставал соответствовать этому образу, то его свергали.

Блаженный Феофилакт Болгарский писал: «Первый признак тирании – насилие. Царь, напротив, не имеет надобности в употреблении силы, потому что получает власть по благоволению множества и в собрании народа, единодушием и единомыслием. Тиранин играет законами, царь устремлён усердно к благозаконию».

Это была очень своеобразная система, сочетавшая в себе теократию, монархию и даже демократию.

Воистину само существование империи – чудо. Она непрерывно вела войны, причём, как правило, не меньше, чем на два фронта. Атакующие менялись: славяне и арабы, авары и норманны, венецианцы и турки. Некоторые народы растворялись без следа в потоке времён – гунны, авары, пе-

ченеги...

И только империя пребывала, казалось, вовеки незабываемым бастионом в водовороте вторжений. И эта судьба зашифрована в имени её основателя – Константин – «постоянный, стойкий» по-латыни.

11 мая 330 года состоялась церемония освящения христианскими епископами новой столицы Римской империи Константинополя – Нового Рима. Это был первый в мире город, основанный под знаком креста. А 29 мая 1453 года он был взят турками-османами. Последний император, носивший то же имя, что и основатель города, пал во время штурма. И крест над храмом Святой Софии сменил полумесяц.

Как и почему это произошло? Что значили эти 1123 года, которые отделяли рождение от падения, для мировой истории и для вечности? Да, этот город и империя, столицей которой он стал, были ориентированы на вечность. И если битва за временное была проиграна, то за вечность продолжается...

Кровь и капуста

Но как единая Римская империя раскололась надвое? Как и почему возникла, собственно, Византия (будем, все же, в силу исторической привычки, использовать и это название)?

Предпосылки создал Диоклетиан, император, который многим известен благодаря историческому анекдоту. Пресытившись земной славой и могуществом, он отказался от высшей (в тогдашнем контексте «божественной») власти и удалился на покой в родные места – ныне адриатическое побережье Хорватии. Там в городе Сплит и поныне возвышается (конечно, изрядно изменивший внешний облик) дворец Диоклетиана.

Согласно легенде, когда высокие «должностные лица» империи, заскучавшие без него перед лицом нарастающих проблем, явились призвать его обратно на царство, тот отказал, приведя «анекдотическую» мотивацию. «Если бы вы видели, какую я выращиваю капусту, то не донимали бы меня всякой ерундой», – что-то, вроде этого ответил бывший император. И визитеры в недоумении удалились. А в веках остался умильный образ великодушного огородника, добровольно отвергнувшего власть и почести. Да, во времена империи это был, и правда, единственный такой случай. Однако, великодушным этого беспощадного человека назвать никак невозможно.

Дело в том, что именно в его правление было развернуто самое масштабное гонение на христиан. Они обрекались на пытки и казни. В цирках по всей необъятной империи звучал вопль возбужденной толпы: «Христиан – львам». И их, вне зависимости от пола и возраста, действительно бросали на растерзание хищникам. Но, конечно, исключительно во имя высшей цели – государственной стабильности.

До прихода Диоклетиана к власти, империя десятилетиями была раздираема внутренними конфликтами. В период с 235-го по 285 год на престоле сменилось не менее двадцати императоров. Причем, в большинстве своем, умирали они не своей смертью. То есть должность главы государства была тогда в империи самой опасной.

Разумеется, такая обстановка не способствовала росту обороноспособности. С начала 250-х годов германцы, одно племя за другим, начинают преодолевать защитные рубежи и вторгаться в римские пределы. На востоке растут мощь и аппетиты старых врагов, персов. Рим начинает терять контроль над Британией, Галлией, Испанией. Легионы уходят из Дакии (современная Румыния).

Воин самого простого происхождения по имени Диокл участвовал во многих походах и сражениях. Но помимо воинских навыков и отваги, он обладал, как позже обнаружилось, подлинно государственным мышлением. К власти он пришел, как тогда и было принято, в результате вооруженной борьбы за престол. А оный ему напророчила еще во время

службы в Галлии местная друидка. Она сообщила легионеру, что тот станет императором, если убьет кабана (лат. *aper*).

Так оно и вышло. Когда неожиданно во время похода против персов скончался император Кар, его сына Нумериана умиротворил префект преторианцев Аррий Апри. Однако, он что-то не рассчитал – солдаты поддержали не его, а Диокла, который к тому времени уже дослужился до высоких армейских чинов. Он на глазах у всего войска заколол Апри, воскликнув: «Я убил кабана». Так, 20 ноября 284 года он и стал римским императором, взяв себе новое тронное имя Диоклетиан.

А дальше он принялся реформировать трещавшее по швам государство. Прежде всего, он взял всю власть в свои руки. Диоклетиан лишил сенат даже номинальной власти, превратив его уже в чистую декорацию. Режим принципата (принцепс – первый среди равных) сменился доминатом – то есть, фактически, абсолютной монархией. Пользуясь оказавшейся в его руках неограниченной властью, Диоклетиан начал укреплять экономику и систему управления. В предшествующий период деньги обесценились в результате выпуска низкопробных монет. Новый император приказал чеканить полноценные золотые и серебряные. Суровыми мерами он обеспечил собираемость налогов и учредил регулярный бюджет. Все это позволило обеспечить финансирование армии.

Побывав в ходе воинской службы в разных концах империи, Диоклетиан понял, что управлять ею из единого цен-

тра уже невозможно. И он совершает вполне революционное преобразование – создает тетрархию, то есть «власть четырех».

Диоклетиан избрал себе соправителя, старого товарища Марка Аврелия Валерия Максимиана. Каждый получил титул августа. Диоклетиан при этом правил на востоке, сделав резиденцией Никомидию (совр. Измит, Турция), а Максимиан – на западе, обосновавшись в Сирмии (совр. Митровица в Хорватии).

В свою очередь, каждый из них выбрал себе по заместителю и одновременно наследнику. Они получили титулы цезарей. На востоке таковым стал Гай Галерий, с штаб-квартирой в Фессалониках (Греция). На западе – Флавий Валерий Констанций, отец будущего императора Константина. Он обосновался в Трире (совр. Германия). Таким образом, вся территория империи оказывалась под неусыпным контролем.

Способствовало ему, помимо всего прочего, внедрение везде римских стандартов и образа жизни. В каждом из перечисленных центров имелся императорский дворец, палата для аудиенций, и неприменный ипподром.

Кроме того, власть августов в полном смысле слова должна была почитаться как божественная. Диоклетиан принял имя Иовий (сын Юпитера), а Максимиан – Геркулий (сын Геркулеса). Подданные должны были оказывать им соответствующие почести, простираясь ниц.

И вот этой детально продуманной железной тирании про-

тивостояли те, у кого не было ни одного легиона – христиане. Они отказывались принимать эту демонически-рациональную конструкцию, поскольку встроенность в нее требовала принесения жертв традиционным языческим «богам». Для христиан это означало предательство истинного Бога, а для власти их отказ означал дерзкий вызов единству и стабильности. По сей день исследователи спорят, кто был инициатором пыток и казней – Диоклетиан или Галерий. Мать последнего была языческой жрицей, и судя по всему, у него помимо административных причин для неприятия христиан были и личные мотивы.

Но так или иначе, хотя христиан преследовали с разной степенью интенсивности буквально с момента рождения этой религии, гонение, получившее имя «диоклетианово», было самым масштабным и системным. С 303 года наиболее распространенным видом наказания для христиан становится сожжение заживо. Церковный историк Евсевия Кесарийский сообщает: «Накануне праздника Страстей Господних повсюду был развешан императорский указ, повелевший разрушать церкви до основания, а Писание сжигать и объявлявший людей, державшихся христианства, лишенными почетных должностей».

Но это было только начало. Тот же Евсевий рассказывает, что происходило впоследствии не только с простыми людьми, но даже с упомянутыми обладателями «почетных должностей». По его словам, массово казнили христиан, слу-

живших при дворе или занимавших командные должности в армии. А вот какая участь постигла сановника по имени Петр: «велели принести жертву; он отказался. Его велели раздеть, подвесить и сечь по всему телу бичами, пока, умученный, он, пусть и против воли, не сделает что приказано. Он терпел, бесповоротный в своем решении, хотя кости его уже были видны; и вот составили смесь из уксуса с солью и стали поливать уже помертвевшие части тела. Он презрел и эти страдания; тогда притащили на середину железную решетку, подложили под нее огонь и стали жарить то, что осталось от его тела, так, как жарят мясо, приготовляемое в пищу, не целиком, чтобы он сразу не скончался, а по частям: пусть умирает медленно. Уложившим его на огонь разрешено было снять его не раньше, чем он знаком даст согласие выполнить приказ. Мученик, однако, не сдался и победоносно испустил дух среди мучений. Так был замучен один из императорских придворных юношей. Его звали Петром, он был достоин своего имени».

И подобное происходило по всей империи. Тем поразительнее, что всего через девять лет в Рим войдет новый император, одержавший победу под знаком креста.

Мост в вечность

Император Константин – сразу и Великий, и Святой. Современному сознанию с первым легко согласиться, а вот второе для многих покажется сомнительным. В самом деле, убийство жены и сына, приказ об умерщвлении поверженного уже и обнадёженного гарантиями безопасности конкурента Лициния – преступления. Какая же может быть святость? Ведь святой в банальном понимании – это просто очень хороший, добрый человек. Константин точно не был ни тем, ни другим.

Но не был им и евангельский разбойник, распятый одесную Господа. Но он по слову Христа первым вошел в Рай, ибо совершил «прыжок веры», как называл подобное христианский философ Серен Кьеркегор. А большинство персонажей Ветхого Завета вообще вводят в соблазн наших современников своей «аморальностью». Например, тот же абсолютный герой Веры Авраам чисто по-человечески во многих ситуациях совсем несимпатичен. Но он оправдан абсолютной верой. Как и царь Давид. Разве морально обошёлся он с военачальником Урией, опять же совершенно аморально возжелав жену его Вирсавию? Разве не достойно это осуждения? Конечно. Но разве даже подобные преступления могут отлучить от Бога «рыцаря Веры»?

Говоря об истории Византии, нам никак не обойтись без

экскурсов в теологию. Потому что иначе мы не сможем обрести ключи к пониманию мотивов основных действующих лиц, не сумеем приблизиться к разгадке самого феномена православной империи.

Когда в 305 году Диоклетиан самоустранился от власти, стремясь предаться «огородничеству», вместе с ним, согласно его концепции распределения власти, отошел от дел и западный август Максимиан. А их места заняли соответственно Галерий и Констанций Хлор (его прозвище означало «бледный»). А новыми цезарями стали на востоке – Максимиан Даза, а на западе – Флавий Север. Что характерно, оба были друзьями Галерия, оба были ненавистниками христиан. И оба назначения вызвали крайнее недовольство сыновей новых августов – Константина и Максенция. Они рассчитывали сами стать «заместителями» при своих отцах. Так система тетрархии, казалось бы, прекрасно продуманная Диоклетианом, натолкнулась, что называется, на человеческий фактор. И от этого столкновения рассыпалась, как и всякая чисто рациональная конструкция, являющая свою нежизнеспособность перед лицом реальных человеческих амбиций.

Константин был при Галерии на востоке фактически в заложниках. Но он не стал дожидаться, чем это для него обернется, а попросту сбежал из-под надзора. И поскакал через всю империю к отцу. Он прибыл к нему как раз, когда тот готовился к походу в Британию.

В ходе войны с дикими племенами пиктов Констан-

тин снискал славу и получил почетный титул Britannicus Maximus (Величайший из бриттов). Поэтому, когда 25 июля 306 года Констанций скоропостижно скончался в Эбура-куме (совр. Йорк), легионы провозгласили императором, то есть августом Запада, его сына. Таким образом, все уж вовсе пошло не по плану Диоклетиана. Возможно, именно тогда к нему и приходили делегаты с просьбой вернуться к власти. Но «капуста» возобладала. И в империи вновь разразилась гражданская война.

Дело в том, что бывший соправитель «огородника» Максимиан, по просьбе своего сына Максенция, все же решил вернуться в игру. Галерий велел Северу атаковать объединенные силы отца и сына. Но легионеры в критический момент отказались сражаться, и Север угодил в плен. Отрекся от власти, но тем не менее был казнен.

Константин поначалу заключает союз с Максимианом и Максенцием и даже женится на сестре последнего Фаусте. Однако суровая логика борьбы за власть уже очень скоро сводит его легионы с войсками тестя в битве под Арлем в Галлии. Максимиан был разбит и с горя повесился. После чего его сын Максенций становится для Константина смертельным врагом. В 311 году умирает август Востока Галерий. И как ни странно, в том же году Диоклетиан. Относительно причин его смерти существуют разные мнения. Недоброжелатели Константина подозревали, что именно он ее неким образом организовал.

Так или иначе, тетрархия пошла прахом. На востоке в борьбу вступили полководцы Даза и Лициний. На западе – Константин и Максенций. Последний захватил власть в Риме. В его распоряжении было войско, по крайней мере вдвое превосходившее армию Константина. И тем не менее, последний верит в своих закаленных во многих кровавых битвах ветеранов. Но в решающий момент он внезапно обретает вдобавок иную веру...

312 год, войска Константина идут на Рим, превосходящие силы Максенция ждут его на берегу Тибра, через который переброшен Мульвийский мост. Накануне решающей в его судьбе битвы Константина посещает видение. Наиболее распространённая версия случившегося такова: в синем небе в солнечном сиянии возник крест с надписью «In hoc signo vinces» (Сим победиши).

И Константин уверовал абсолютно и навсегда. Немедленно был отдан приказ нанести на солдатские щиты знак лабарум (скрещенные две первые буквы имени – Христос). Большинство легионеров почитали Юпитера, Митру, иных популярных в то время в воинской среде «богов». Но они повиновались полководцу, в удачу которого верили. И враг был разгромлен вопреки численному превосходству. Максенций пал в битве. Константин вступает в Рим.

И вскоре новый владыка Запада отправляет Максиминоу Дазе письмо с извещением о своем «вступлении в должность» и требованием прекратить гонения христиан. То есть

Константин заявляет о себе как об их защитнике и, фактически, о том, что является сторонником новой веры.

Как и почему он делает этот выбор? Конечно, историк-материалист скажет, что он был циничным прагматиком. Что он увидел потенциал христианства и использовал его для утверждения своего единодержавия, к которому уже тогда стремился. Однако дело в том, что самые скрупулезные подсчеты возможного количества христиан на территории империи в тот период никак не дают более 10 %. Сенатская аристократия Рима была языческой. Да и вообще, хотя христианство не было религией низов тогдашнего общества, но и верой элиты тоже уж точно не было.

Да, отец нового императора Констанций Хлор был единственным из тетрархов, не учинившим жестоких гонений на вверенной территории. Он всего лишь церкви разрушал. Но сам никаких симпатий к культу, преследуемому с разной степенью жестокости более 250 лет, не испытывал. Что же, какие соображения и расчеты повлияли на выбор Константина? Как бы мы ни старались, никаких иных, кроме мистических причин не обнаружим...

В 313 году он вместе с Лицинием, который стал его союзником и вдобавок женился на сестре Константина, выпускает Миланский эдикт о веротерпимости. Угроза гонений снимается. И христианство получает режим наибольшего благоприятствования. Религия 10 % населения!

После Миланского эдикта Константин жил и правил еще

24 года. За это время он успел очень много. Например, разойтись во взглядах с Лицинием. Тот в своей восточной половине империи (он правил там после победы над Дазой) снова начинает преследовать христиан. И Константин начинает с ним первую в истории христианства войну за веру. И снова (как всегда) одерживает победу. И становится, наконец, полновластным владыкой и востока, и запада.

Лициния он милует. Все-таки не чужой человек – сестра за него просила. Однако, уже через год Константин передумал и приказал задушить бывшего соперника, жившего уже абсолютно частной жизнью. А еще через год приказал убить собственного сына от первой жены, Криспа. Он был одаренным полководцем и наиболее вероятным наследником. Однако, по свидетельству ряда источников, его оклеветала мачеха Фауста, обвинив в домогательствах.

Впрочем, не прошло и года, как Константин разобрался в ситуации, и чтобы восстановить справедливость, велел умертвить саму Фаусту. Она задохнулась в жарко натопленной бане, выход из которой оказался заблокирован. Впрочем, по другой версии, он сам столкнул ее, опять же бане, в кипяток.

А между этими убийствами он организует проведение Первого Вселенского собора – Никейского, то самого, на котором был принят христианский Символ Веры. На нем же была осуждена ересь арианства. Ее основатель, священник Арий учил: «было, когда не было Сына». То есть, Христос

не со-вечен Богу Отцу.

Таким образом, именно Константин способствует утверждению и фиксации основных христианских догматов. При этом, сам он все это время оставался некрещеным. Такое, впрочем, в те времена бывало нередко. Человек откладывал принятие таинства до последнего часа. Дабы смыть все накопленные грехи непосредственно перед переходом в вечность. Так поступил и Константин. Но, судя по всему, в итоге крестил его епископ-арианин. То есть представитель ереси, осужденной на собранном самим же Константином Соборе.

Вот такой человек-парадокс – император, находившийся у власти более 30 лет (если считать с момента провозглашения его таковым легионерами в Британии), разгромивший последовательно всех соперников, основавший один из величайших городов мира и изменивший своим выбором в пользу христианства ход мировой истории.

Сама личность Константина, который сочетал в себе жестокость, коварство и одновременно одаренность глубоким мистическим чувством, словно бы стала моделью для империи, столицей которой был его город. И всегда есть соблазн сделать акцент на чем-то одном – либо на ее «жестокости и двуличии», либо на ее «стремлении к горнему». При этом, когда апологеты пытаются ее обелить и оправдать, они с готовностью идут на подлоги, которые сами же выявляют и обличают у своих оппонентов.

Яркий пример – взятие Константинополя крестоносца-

МИ...

Темные Ангелы

Один из самых известных мифов о Византии – о злокозненном Четвертом крестовом походе, якобы имевшим изначально своей тайной целью взятие и разграбление святого града Константинополя. И что именно этот удар и был сокрушительным для Империи. Мол, потом она уже только доживала, а турки сей процесс всего лишь прервали.

Якобы план нападения изначально вынашивал коварный дож Энрико Дандоло. Об этом и в учебниках пишут, и кино снимают. Но давайте проследим без гнева и пристрастия цепочку событий, приведших к взятию Царьграда рыцарями.

В сентябре 1180 года скончался император Мануил Комнин. Ему наследовал сын подросток Алексей. Как это по малолетству автократоров и бывает, началась партийная борьба. В данном случае «западников», которых возглавляла вдова императора Мария Антиохийская, и «почвенников» – лидер Андроник Комнин, двоюродный брат почившего василевса.

Андроник взбунтовал войска и двинулся на столицу. Направленную против него армию разбил, а в Константинополь стал засылать агентов-provokаторов, которые начали распространять слухи об измене Марии Антиохийской в обмен на военную помощь латинян, решившей отдать им столицу.

И, разумеется, начался погром. В то время в городе жило 60 000 представителей Запада. Прежде всего, купцов со своими семьями. Большая их часть была перебита. 4 тысячи были проданы в рабство туркам. И очень немногим удалось спастись из охваченного кровавым безумием города.

Отметим, что все знают пресловутую Варфоломеевскую ночь, каковая регулярно вменяется в вину католикам. Но об этом ее аналоге, учиненном православными, очень мало кто помнит.

На этом фоне Андроник входит в город и берет власть, вначале как регент. Начинается террор против подозрительной аристократии. Затем узурпатор заставляет юного императора подписать указ о казни собственной матери. И вскоре после этого приказывает и самого Алексея, четырнадцати лет от роду, удушить тетивой от лука.

Против Андроника сразу начинаются мятежи. Не будем вникать в их перипетии, в итоге, взбунтовалась и столица. Императором провозгласили двоюродного брата императора – Исаака Ангела. Бежавшего Андроника поймали и учинили над ним изощренную расправу.

Сначала ему вырвали бороду, выбили зубы и отрубили правую руку. Потом, через несколько дней проведенных в темнице, выкололи правый глаз. И верхом на верблюде под градом камней ликующего плебса, доставили на ипподром, где, привязав к поперечной балке, запытали уже до смерти.

Царствование Исаака Ангела проходило в практически

непрерывной борьбе с повстанцами и внешними врагами. Во внутренней политике он, как предшественник, опирался на террор. В итоге, находясь в одном из походов, император узнал о провозглашении знатью нового императора – его брата Алексея. Исаака схватили, ослепили и заточили в темницу.

Но сын его тоже, как и дядя Алексей, бежал из Константинополя на Запад, где в поисках поддержки и набрал в конце концов на участников Четвертого крестового похода.

Дело было в Далмации, в городе Задар, который они взяли в уплату венецианцам за доставку на Ближний Восток. Деяние это осудил Папа Римский и даже отлучил его участников. Стоит отметить, что Симон де Монфор, будущий знаменитый предводитель анти-альбигойского крестового похода, отказался поднимать меч против христиан и покинул лагерь.

Остальным терять было уже особо нечего, к тому же полностью рассчитаться с Венецией они не смогли. И вот законный наследник престола Константина предлагает им все, что они ни пожелают за поддержку. Разумеется, они соглашались и отправляются к Царьграду.

В конце июня 1203 года европейцы прибыли к столице Империи. И довольно быстро решили задачу – узурпатор бежал, слепой Исаак был освобождён горожанами из темницы и переведён во дворец. 1 августа Алексей и его отец были провозглашены соправителями.

Крестоносцы остались у стен города в ожидании оплаты.

Сбор средств, а также раздражающее присутствие «контингента НАТО» вызвали новый бунт плебса. Каковой провозглашает государем Алексея Дуку Мурзуфла. Алексея Ангела убили, а Исаак скончался, узнав о его смерти.

И вот только тут рыцари окончательно потеряли терпение, поняв, что их хотят банально обмануть, оставив без оплаты. И значительно меньшими чем у обороняющихся силами взяли Константинополь.

Результат ли это злокозненного плана? Или это результат массовой моральной деградации ромейской элиты и народа описываемого периода? Впрочем, и крестоносцев все это, конечно, никак не оправдывает.

Вот что рассказывает о происшедшем свидетель разграбления столицы великой империи хронист Никита Хониат:

«Итак, прекрасный город Константина, предмет всеобщих похвал и повсюдных разговоров, был истреблен огнем, унижен, разграблен и лишен всего имущества, как общественного, так принадлежавшего частным лицам и посвященного Богу, бродяжническими западными племенами, большею частью мелкими и безвестными, соединившимися между собою для разбойнических морских наездов и двинувшимися против нас под благовидным предлогом небольшого уклонения от предпринятого будто бы пути на помощь Исааку Ангелу и сыну, которого он к несчастью родил на погибель отечества и которого они привезли с собою, как самого отличного

и самого дорогого своего спутника. Сонливость и беспечность управлявших тогда римским государством сделали ничтожных разбойников нашими судьями и карателями!

...В тот день, когда город был взят, грабители, врываясь в обывательские дома, расхищали все, что находили в них, и затем пытали домовладельцев, не скрыто ли у них чего-нибудь еще, иной раз прибегая к побоям, нередко уговаривая ласкою и вообще всегда действуя угрозами. Но так как жители, разумеется, одно имели, а другое показывали, – одно выставляли на глаза и отдавали, как свое имение, а другое сами грабители отыскивали; так как, с другой стороны, латинские солдаты не давали поэтому пощады никому и ничего не оставляли тем, у кого что-нибудь было; так как они не хотели иметь с покоренными общения даже в пище и содержании, но держали себя в отношении к ним высокомерно, несообщительно, – не говоря о других обидах, обращали их в рабство, или выгоняли из дому, то вследствие всего этого полководцы их решили предоставить городским обывателям свободу по желанию удалиться из города. Собравшись обществами, жители потянулись таким образом из города – в изорванных рубищах, изможденные невкушением пищи, с изменившимся цветом тела, с мертвенными лицами и глазами, обливавшимися кровью, потому что в то время плакали более кровью, чем слезами. А поводом к плачу для одних была потеря имущества, другие, не

принимая в расчет потерю его, как еще не великую беду, оплакивали похищение красивой дочери-невесты и растление ее, или сокрушались потерей супруги, и вообще всякий, идя по дороге за город, имел довольно причин к горести».

Кто Богу мил?

Между тем, пока западные рыцари обживались в захваченном Константинополе и делили сокровища, земли, титулы, принципиальный Симон де Монфор отправился в иной крестовый поход в абсолютно противоположную сторону – во французский Лангедок. Там пустила глубокие корни ересь, которой в равной степени интересовался и нацистский исследователь Отто Ран, и советский писатель Еремей Парнов, автор бестселлера «Ларец Марии Медичи».

Оба этих столь несхожих персонажа явно симпатизировали жертвам де Монфора – катарам (от слова чистые) или иначе альбигойцам (от города Альби). Но родом учение сих еретиков было из Болгарии, где они называли себя богомилами. И системные гонения на них предпринял впервые император ромеев Алексей Комнин. И он же был инициатором Первого крестового похода, призвав христиан Запада отвоевать у сарацинов Иерусалим.

Таким образом, Симон де Монфор, сражаясь в Лангедоке, продолжал вольно или невольно политику этого гениального императора. Учение богомилов и катаров вкратце сводилось к тому, что не просто «мир во зле лежит» в результате человеческого грехопадения, но изначально создан злым демидургом (творцом), каковым они считали Бога Ветхого Завета, не желая отождествлять Его с Отцом, пославшим Иисуса, не

видя Троицы. Соответственно, и материя, как таковая, была для них злом, а значит и не могла быть преобразена Божественными энергиями.

Не вдаваясь в подробности, скажем, что такой взгляд переносил ответственность за всяческие безобразия с человека на обстоятельства: «Не мы такие, жизнь такая». Тем не менее, от наиболее продвинутых адептов богомилы требовали тотального аскетизма, чтобы полностью освободиться от власти «злой материи». Наличную Церковь ни на Западе, ни на Востоке не признавали. В спасительность ее таинств не верили, чем подрывали устойчивость Христианского мира перед лицом исламского врага. И в целом, вносили смуту в социальные организмы, подрывая иерархические системы.

Что сделал император Алексей? Поскольку ересь получила широкое распространение в разных слоях общества, он учинил тщательное расследование и поиск главного проповедника. В ходе допросов таковой был выявлен. О последующих событиях (которые подлинно можно охарактеризовать как триллер) красочно повествует дочь императора Анна в своем жизнеописании императора «Алексиаде»:

«Василий — человек в монашеском одеянии, с иссохшим лицом, безбородый, высокого роста (весьма ловкий в распространении нечестивого учения). Самодержец, желая с помощью убеждений принудить Василия раскрыть перед ним самые затаенные мысли, воспользовавшись благочестивым предложением,

призывает его к себе. ... Василий сначала притворялся; будучи настоящим ослом, напяливал на себя львиную шкуру и не поддавался на эти речи, однако, возгордился от похвал – ведь император посадил его с собой за стол. Во всем помогал Алексею и вместе с ним устраивал эту инсценировку его брат – севастократор. В конце концов Василий выложил учение своей секты. Каким образом это происходило?

Помещение, где находились императоры вместе с этим негодяем, открыто говорившим и выкладывавшим все, что у него было на душе, отделялось от женской половины занавесом, и находившийся за занавесом писец записывал все, что говорилось. Болтун возомнил себя учителем, император притворился учеником, а в это время секретарь записывал поучения Василия. Все дозволенное и недозволенное говорил этот богомерзкий муж и не умолчал ни об одной из своих богопротивных догм. Он с презрением отозвался о нашей теологии, оклеветал все церковное управление и, о ужас, святые храмы именовал храмами бесов; он также порицал и объявил дурным почитание тела и крови того, кто был первым архиереем и первой жертвой.

Что же дальше? Император сбрасывает маску и подымает занавес. Собрался весь синклит, сошлось воинство, присутствовало также высшее духовенство. На патриаршем троне столицы восседал тогда блаженнейший среди патриархов господин Николай Грамматик. Было оглашено богопротивное

учение Василия, улики были неопровержимыми».

Надо отдать должное императору-интеллектуалу. Он не отправил ересиарха немедля на костер, но долгое время содержал его в заключении, периодически с ним полемизируя. И лишь убедившись в бесполезности сего, он назначил день массовой казни.

«Все обвиняемые в богомильской ереси были выведены на середину, и самодержец приказал вновь подвергнуть допросу каждого из них. Одни признали себя богомилами и ревностно отстаивали свою ересь, другие же совершенно отпирались, называли себя христианами и ничего не признавали, когда их обвиняли другие. Тогда Алексей, нахмутив брови, сказал: “Сегодня будут зажжены два костра, в центре одного из них в землю будет вбит крест; затем каждому будет предоставлен выбор: желающие умереть сегодня в христианской вере, отделившись от остальных, вступят в костер с крестом, придерживающиеся же богомильской ереси будут брошены в другой костер. Ведь лучше самому умереть как христианину, чем, оставаясь жить, подвергаться преследованиям как богомил и возмущать совесть многих людей. Итак, пусть каждый идет туда, куда захочет”. Объявив об этом богомилам, император сделал вид, что покончил с этим делом.

Обвиняемые были сразу же взяты и уведены, а в это время собралась большая толпа стекшегося отовсюду народа. В месте под названием Уиканистр

разожгли костры в семь раз, как говорит пророк, сильнее, нежели как их обыкновенно разжигали. Огонь поднялся до небес, в одном из костров находился крест. Так как все они должны были быть сожжены, то каждому обвиняемому был предоставлен выбор вступить в тот костер, который он пожелает. Те, кто придерживался православия, видя свое безвыходное положение, подошли к костру с крестом, чтобы принять истинно мученическую смерть. Нечестивцы же, придерживающиеся мерзкой ереси, обратились к другому костру. Когда они готовы были вместе броситься в костры, все присутствующие стали жалеть христиан, которые должны были сгореть, и выражали сильное недовольство императором, не зная о его намерении. Но приказ императора предупредил палачей и не дал им свершить своего дела. Получив, таким образом, надежные доказательства того, кто является истинным богомилом, император отпустил с многочисленными наставлениями ложно обвиненных христиан. Богомилов же он вновь заключил в тюрьму, причем нечестивого Василия отделил от остальных. Некоторых из них он сам ежедневно призывал к себе, поучал, увещевал отречься от мерзкой веры, других же он приказал ежедневно посещать наиболее достойным священникам и наставлять их в православной вере, увещевая отречься от богомильской ереси. Одни из еретиков исправились и были освобождены из-под стражи, другие в ереси окончили свою жизнь в тюрьмах, хотя и имели полный достаток в пище и

одежде».

Ну, а нераскаянного Василия, разумеется, в конце концов, все-таки сожгли. Но идеи, как известно, не горят...

Битва обреченных

На юг Франции ту же самую ересь бродяги-проповедники занесли через византийские владения в Италии. В Лангедоке поддержку они вскоре обрели у весьма влиятельных сеньоров. Так что они отнюдь не были беззащитными жертвами «кровавого палача» де Монфора.

Более того, с вступлением в конфликт арагонского короля Педро II сами крестоносцы оказались на краю гибели. Педро объявил, что готов защитить законные права самых могущественных феодалов края, а по совместительству покровителей еретиков Раймонда VI графа Тулузского и Раймунда Роже графа де Фуа. В сентябре 1213 года король Арагона вступил в Лангедок и потребовал, чтобы Симон де Монфор «очистил помещение». Тот, разумеется, ответил отказом и тогда объединенные силы его противников перешли в наступление, отвоевывая один город за другим.

Когда они осадили Мюре, на выручку гарнизону поспешил сам предводитель крестоносцев. И настал момент истины.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.